

Новая

новгородская газета

независимое
издание

1 февраля 2017 г.

№ 5 (909)

отбитое сердце

**почему
единственный
житель
холмской
деревни
не может
понять свою
страну**

Николаю Ивановичу Барканову сегодня, в среду, исполняется 79 лет. Уже больше десятилетия его дом остаётся единственным в деревне, протяжённость которой около трёхсот метров. Жизнь приучила Барканова к постоянной борьбе, но он искренне не понимает - почему страна, на благо которой он работал всю жизнь, стремится забрать у него последнее.

Øòàòû ìîã çà, çáíûì
íááìì

Каждый день Николая Ивановича похож на предыдущий. С первыми лучами солнца он идёт доить корову, после топит печь в избе и идёт заниматься другими животными. Сейчас в хозяйстве Барканова, помимо коровы, имеется телёнок, лошадь, овцы и куры. Помимо обязательной кормёжки, животные постоянно требуют внимания от хозяина.

стр. 2

Николай Иванович БАРКАНОВ, житель деревни Новички Холмского района

тема номера

Люди «под воздействием»

Осенью 2013 года член Совета Федерации от Новгородской области Александр Коровников (ныне же он заседает уже в нижней палате парламента, победив прошлой осенью на выборах как кандидат от партии «Единая Россия») оказался в центре скандала: он якобы передал взятку своему другу Александру Михайлику и коллеге, с которым работал ранее в Счётной палате.

Сенатору, естественно, пришлось понервничать, отбиваясь от настырных столичных журналистов, что только разжигало скандал. В провинции же, пославшей его в сенат, Александр Венидиктович давал более спокойный комментарий. Например: «Я был участником оперативно-розыскных мероприятий по просьбе высшего руководства МВД. Эти мероприятия проводились на протяжении 5-7 дней. В них я участвовал вместе с представителями МВД, главного

управления по выявлению экономических преступлений и противодействию коррупции. Действительно, 25 сентября в ходе мероприятия была задержана группа лиц, в их числе Александр Михайлик. Сейчас идёт следствие».

Между тем Михайлик, с которым сенатор вроде бы дружил больше 20 лет, удивлялся его участию в «мероприятии». «Я до сих пор не могу понять, как оперативникам удалось сломать мужественного офицера, прошедшего все «горячие точки», имеющего много орденов и медалей?» - недоумевал расстроенный друг. «Моё мнение - он (Коровников - ред.) находился под воздействием психотропных средств, которые ему дали оперативники. По-другому я не могу объяснить действия достойного человека, моего друга», - говорил Михайлик.

стр. 19

www.shubu.ru
8(800) 100 63 92
(звонок бесплатный)

АКЦИЯ!
Шуба из норки с капюшоном,
длина 110 см, **98 тыс. руб.**

*Акция действительна с 1 по 5 февраля 2017.
Подробности - у продавца.

НОВОТОРЖСКАЯ ЯРМАРКА «За шубой!»

С 1 февраля в КЦ «Диалог» начнет работу Новоторжская ярмарка. Выбор шуб богатый. Размеры — от 42 до 60. Это мужские и женские дубленки, элегантные пальто, эффектные жакеты и манто, теплые длинные шубы. Все из натурального меха. Новинка — меховые шапки. Гарантии. Кредит.

Сколько стоит шуба:

Мутон, нутрия, дубленки — от 15 до 55 тыс. руб.
Мужские шубы и дубленки — от 39 до 149 тыс. руб.
Меховые жилеты — от 6 тыс. руб.
Каракуль — от 80 тыс. руб.
Норковая шуба из цельных шкур — за 69 тыс. руб.
Норка «ЗИМОС» — от 95 до 350 тыс. руб.
На Новоторжскую норку — скидка от 20 000 руб.

Добро пожаловать за шубой!

1 — 5 февраля 2017, с 10:00 до 19:00
КЦ «Диалог», 2 этаж
В. Новгород, Б. Московская 37/9

Кредит. ООО «РусфинансБанк», лиц. ЦБ РФ №1792 от 13.02.2013

Отбитое сердце

Стр. 1
 - Когда молодой был, то животные у меня было побольше, - медленно поглаживает Николай Иванович стоящую в загоне лошадь.
 - Сейчас уже силы не те.

Меня хватает только на этих, - окладывает он руками свой небольшой двор.

У забора диким лаем заливаются крупная дворняга с добрыми глазами по кличке Малыш.

Жизнь крестьянская - жизнь бок о бок с животными. Отношения складываются по-разному. История этих отношений - у Барканова на лице. Когда Коле Ивановичу было восемь лет, его лягнула лошадь - остался небольшой шрам на подбородке, но злой памяти или страха - не осталось. Внешность человека часто может рассказать вам о роде его занятий. И тут за Барканова говорят его мозолистые руки - большие и крепкие, будто каменные. Руки этого с виду худощавого человека лучше любых слов говорят о том, что вся его жизнь была неизменно связана с тяжёлым физическим трудом - километры выкошенных полей и сотни часов с топором или пилой не могут пройти бесследно.

В деревне без работы остаться в принципе невозможно. Если, конечно, не увлечься поисками зелёного змия на дне бутылки. Каждый день сельский быт подкидывает всё новые и новые задачки - то забор повалился, то сарай сгнил, то в колодце водорослей уже - как в азиатском супе. Зима же ставит перед деревенскими самую трудную задачу: дом обогреть. В феврале прошлого года Барканов запряг в сани лошадь и двинулся в ближайший лес - за дровами. Десять часов работы (с перерывами на отдых) хватило ему, чтобы свалить 16 старых, уже покосившихся, небольших деревьев серой ольхи и две берёзы. Барканов положил их на сани и повёз к дому...

Николай Иванович не спеша раскидывал дровишки у себя во дворе под звёздным небом. Неожиданно его похлопали по плечу.

- Я обращаюсь. Смотри - менты стоят, - вспоминает Барканов. - Я спрашиваю - мужики, что за дела? Они отвечают, мол, незаконно ты, дед, лес рубил. Разрешения у тебя нет, а без него не позволено.

Николай Иванович всегда был искренне уверен, что этот участок в ста метрах от его дома принадлежит к сельскохозяйственным землям, и, по его мнению, он имеет полное право рубить там деревья. В суде Барканову заявили, что земли - федеральные, а сельскохозяйственными не были никогда. Но у него на руках имеется карта, на которой эта земля числится как сельскохозяйственная с подписью восьми экспертов.

Участок, где от топора пенсионера пало несколько деревьев, числится как квартал, выдел и защитная полоса, поэтому рубить там было запрещено всегда. Суд постановил оштрафовать Николая Ивановича на 10 тысяч рублей, а также взыскать с него компенсацию в размере 35 235 рублей.

Кстати, ещё недавно коров у Барканова было две. Но вторую пришлось после суда продать: с пенсии не расплатиться.

- Какая защитная полоса? Вы чего? - хрипит, разводя руками, Барканов в большой комнате своего дома. За его спиной красуется аккуратно наряженная новогодняя ёлка, на столе журнал «Новый мир» ещё советского времени. - Да всю жизнь в эти леса ходили мужики из соседних деревень заготавливать дрова. Пятнадцать или двадцать лет назад сюда даже из Холма за дровами приезжали. И траву нашу летом косили для себя. И никто

не возмущался - всегда наши предки так жили, никому ни для кого не жалко было. А сейчас они просто решили меня затравить...

- Кто они?
 - Люди из лесничества.
 - А что случилось-то?
 - Ой, - вздыхает Николай Иванович, - это очень долгая история. Но я вам её расскажу.

- Дед наш зубастый, вот и хочет всем правду доказать, - кричит из кухни жена Барканова Лидия Алексеевна. И немножко посмеивается.

Рядом с нами на полу разлёгся толстый лохмёный кот и собрался внимательно слушать. Хотя он эту историю, наверно, слышал тысячу раз.

Çàïàõ ääðè

Николай Иванович решительно готов идти на тот злополучный участок, где чуть менее года назад рубил деревья. Единственное, что вызывает у него опасения, судя по пристальному взгляду - это мои кеды.

- В такой обуви туда нельзя, промокнешь весь, - предостерегает Барканов.

- Да ладно уж...
 - Никакого ладно, жди здесь, - командует он и быстрым рывком скрывается в доме.

Стою смиренно, никого не трогаю. Николай Иванович приносит здоровенные валенки.

- На, - говорит, - надевай. С такими не пропадёшь.

И правда. О холоде Барканов знает не понаслышке. После трёх лет армии в 60-е его завербовали на строительство ГЭС в сибирском городе Братск. Больше десяти лет своей молодой жизни он отдал этому предприятию, занимаясь строительством восьмизатяжных бетонных панелек.

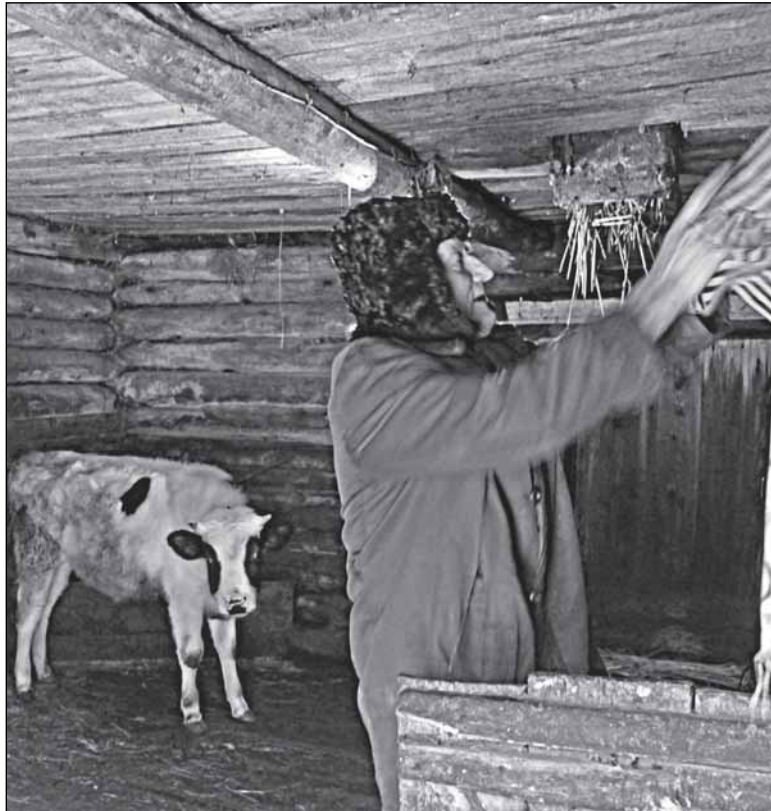
- Бывало, идёшь на работу, дальше, чем на два метра, ничего не видно - туман сплошной. На улице - минус 53 и от дыхания льдинки звенят, - рассказывает Николай Иванович. - Но ничего, наше дело молодое было, - вздыхает он. - Вертелись, крутились. Иногда прощёшься, выглянешь из палатки - а мы тогда в палатках жили - и думаешь: «Господи, как же красиво». А потом шли на объект и по дороге видели, как строятся большие и красивые коттеджи. Для партийных чиновников. А Братск ведь тогда был окупан лагерями. На дворе 59-й год, все расконвоированные тянулись туда. И вот - наша плотницкая бригада демобилизованных тащила листовичный брус по трапу на второй этаж, а зэки, худые и измождённые, его в дело пускают.

- Да уж, весёлое строительство...

- А в семидесятом году, - Барканов переходит на шёпот и говорит значительно медленнее, - сынишку моего в Братске током убил... Первенца... Старшие отвели

на стройку... Взял в руки электрод... 600 вольт... - пауза. - Из морга я вышел совершенно другим человеком.

Начальство Барканова заметило. Были командировки в Москву, работа бригадиром. Его бригада, говорит, была лучшей на объекте. Даже квартиру предлагали в столице, но Николай Иванович отказался.

За хозяйством

ся. Вернулся в Братск - и сдавал по крупному объекту в год и восемь маленьких в придачу. На всю страну гремит Олимпиада-80 - а в Сибири в магазинах кроме хлеба и кальмара нет ничего. Тогда-то Барканова и потянуло в родные места. Захотелось осесть на той земле, которую возделывали несколько поколений предков. За спиной уже был строительно-технологический институт и северный стаж. На жизнь, короче, хватало. Но Барканов тогда и думать не мог, что страны, ради которой он надрывал спину на масштабных стройках, скоро не станет.

- И в 93-м Госдума издаёт указ об урезании 10% северных выплат. Ну, думаю, всё - приехали, - улыбаясь, рассказывает пенсионер. - Ведь в 91-м у колхозников, по сути, отобрали всю землю - косить было негде, ничего не осталось. Ни ферм, ни самого колхоза. Холмские всё к рукам прибрали. А я на всё это смотреть не мог, у меня вот тут болело, - показывает на сердце. - И я решил идти в депутаты.

Политических стратегий у Барканова тогда было ровно две - говорить и требовать. Общался он пре-

имущественно с односельчанами. Убедил их, что дальше так жить нельзя и вопрос с колхозной землёй надо скорей решать, ведь без земли все деревенские с голоду слягут. Требовать же предпочитал с властей, так как их считал виноватыми в развале деревни. Различные пле-

Последний жилой дом в Новичках

администрацию за положенной по закону компенсацией, - говорит Николай Иванович. - В магазинах ценники миллионные, а в законе прописана выплата на восстановление жилья в размере 9 800 рублей.

Барканов говорит, что сначала не поверил в такое формальное отношение государства к своим гражданам и долго всматривался в эту цифру, пытаясь увидеть там дополнительные нули. Но тщетно.

- И знаете, на что мне хватило этих денег? - улыбаясь, спрашивает Николай Иванович. Только улыбка эта какая-то невесёлая. - На полвину велосипеда, на котором я потом ездил очень и очень долго.

И в этой истории двухколёсный транспорт играет не последнюю роль.

Äëý Ì ðàãäèè ñèðàíàùð

Единственный дом в Новичках теперь - это дом Барканова. Остальные либо сгорели, либо развалились после смерти хозяев. Зато оставшийся - по сравнению с заброшенными теремками в соседних Наволоке и Каменке - просто образец добротного и крепкого деревенского хозяйства.

За этим домом виднеется ело-

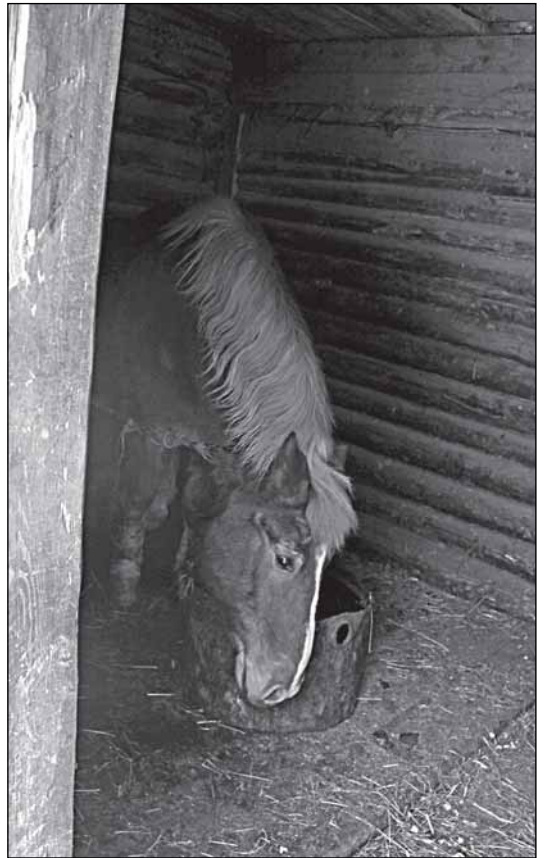
нумы, советы и прочие депутатские сборы дали свой результат - ведь за Николаем Ивановичем стояло реальное народное недовольство. Землю бывшим колхозникам вернули в пользование. Довольный Барканов отложил депутатские полномочия и снова занялся крестьянской работой.

- И вот проходит совсем немного времени, - вспоминает Николай Иванович, - я сижу вечером дома, разбираю прессу. Мне тогда только пришёл «Московский комсомолец» и «Литературная газета». Я их ещё с Сибири выпишу и до переезда сюда уже оформил подписку на это место. Сажу, читаю. Все в доме спят. И вдруг чувствую запах гари. Я вышел на улицу посмотреть и вижу - горим. Я всех быстро разбудил, документы собрал. Вся семья выбежала на улицу. Дом пытался потушить, но не смогли, - в голосе Барканова слышатся всхлипы. - Я до сих пор уверен, что нас тогда подожгли.

Тот запах гари Барканову до сих пор чудится в его беспоконных снах.

Чувство страха и неуверенности в завтрашнем дне охватило тогда не только Баркановых, но и всех жителей Новичков. Тогда в деревне жило около 15 семей, и все они не смогли позволить себе бросить соседей в беде. Кто помог одеждой, кто еду приносил, кто-то позвать пусквал. А деньги тогда, по словам Барканова, уже начали считать миллионными.

- Я пришёл в холмскую

«Подельник браконьера»

вый лес, который очень нравится Николаю Барканову. Сейчас у Николая Ивановича есть автомобиль. Но те времена, когда можно было неспешно ехать на велосипеде по пустой дороге и любоваться лесным очарованием, Барканов и сейчас вспоминает с теплом. Лишь раз во время такой поездки его серьёзно обдало холодом - когда в 2004 году он увидел две огромные грузовые машины, которые вывозят дорогие сердцу ёлки из любимого леса.

- Я подъезжаю, - вспоминает Барканов. - Хорошо, что у них тогда был перекур. Поздоровался. Спрашиваю: «Мужики, а куда это вы столько леса везёте и для чего?». Они отвечают: «А тебе, дед, чего? Самый умный тут, что ли?». Я им и говорю, что с малых ногтей, можно сказать, строитель, что жизнь помогала. Они выслушали, мы как-то нашли общий язык. Ну и говорят: мол, лес в Норвегию повезут. Там наши металл и нефть не пользуются популярностью, а лес - скупают

Лидия Алексеевна

